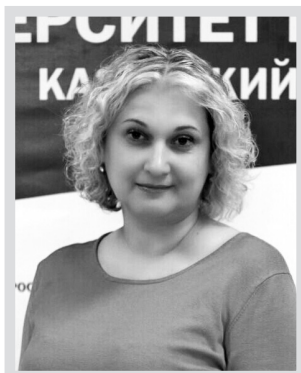
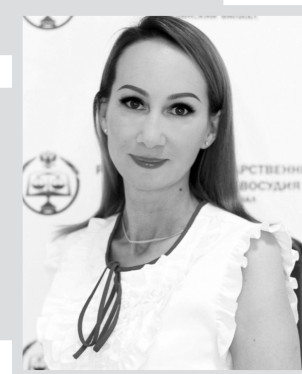

УДК 340.113.1

Роль терминов в языке права**Вагнер К.Р.**

Кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Сосновская Л.Р.

Преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

В статье проанализированы языковые аспекты права на примере действующего российского законодательства. Основное внимание авторов уделено юридической технике, применяемой при формулировании терминов и дефиниций, которые используются при конструировании норм права. Изучение норм права в плоскости терминов и дефиниций проводилось посредством формально-юридического подхода, необходимого для определения специальных терминологических значений, влияющих на развитие юридического языка. Авторы приходят к выводу, что конституционализация терминов в современном российском законодательстве не позволяет универсализировать их значение. Поэтому подход, придающий общетеоретический характер конституционным терминам в отношении отраслевых юридико-языковых конструкций, является архаичным и требует качественного пересмотра.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, язык права, структура языка права, юридический стиль, нормативные тексты, юридическая техника, юридическая терминология.

Язык права характеризуется усложнённым порядком использования слов и словосочетаний как внутри одного нормативно-правового акта, так и в целом комплексе законов и подзаконных актов, относящихся к источникам определённой отрасли права. В теоретико-правовом смысле язык права призван унифицировать значения используемых понятий [1, с. 6], а в частнонаучном измерении – дифференцировать отраслевой подход к регулированию общественных отношений [2, с. 252].

Тем самым в одних случаях выделяются условно общие юридико-языковые конструкции, обладающие единым значением во всех областях правового регулирования, а в других – специальные языковые термины, применяемые лишь в опреде-

лённых институтах, подотраслях и отраслях права [3; 4].

Вместе с тем в юридических исследованиях прослеживается попытка разграничить понятия «язык права» – «язык закона», «юридический язык» – «правовой язык» по известному философскому соотношению «общего и частного» [5, с. 150]. В терминологическом выражении данные наименования сводятся к знаковым и лексическим формам, имеющим специфику в плоскости правового регулирования, включая правоприменительный процесс, который сопровождается образованием собственных терминов и значений [6, с. 162].

Помимо общетеоретических терминов, далеко не всегда используемых в текстах нормативно-право-

вых актов, но обладающих универсальным значением в юридической лингвистике (например, юридический факт, преюдиция, казус), в современной правовой науке сложился подход, который сводит общие термины к их конституционно-правовому смыслу. В силу данного восприятия основные правовые конструкции сформулированы в конституции, имеющей прямое действие и универсальное значение во всех отраслях [7, с. 96]. Поэтому их терминологическая нагрузка предопределяет толкование всех других нормативно-правовых актов и позволяет выделить специальные термины.

Принятие последних поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. продемонстрировало попытку расширения целого ряда терминов, сложившихся в базовых правовых конструкциях [8]. Так, в положениях ч. 1 ст. 67, п. «г» ст. 71, ч. 2 ст. 80 и в других нормах федеральной Конституции появился качественно новый термин «публичная власть». В прежних редакциях доминировало схожее по значению словосочетание «государственная власть». Сама по себе данная языковая конструкция не являлась отдельным термином, поскольку состояла из группы слов, обладающих собственными дефинициями, объединёнными общей лексемой: «органы власти», «источник власти», «властные полномочия», «исполнительная власть» и т.п.

В результате одобрения конституционных поправок на всенародном голосовании 2020 г. значение термина «государственная власть» в некоторой степени видоизменилось. Это прослеживается в комплексе новых конституционных законов, которые принимаются по результатам конституционно-правовых новаций. В них термин «публичная власть» имеет более выраженный характер.

Например, в новом Федеральном конституционном законе № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (далее ФКЗ № 4-ФКЗ) [9] термин «публичная власть» употреблён в четырех положениях. В частности, согласно ст. 1, Правительство Российской Федерации выступает в качестве органа публичной власти. Кроме того, выделяется новый конституционно-правовой принцип единства публичной власти. При этом и в конституционных нормах, и в нормах Федерального конституционного закона № 4-ФКЗ отсутствует дефиниция данного термина. Из разрозненных пояснений к новым конституционным поправкам вытекает, что «публичная власть» выступает в качестве обобщающего термина, включающего в себя не только понятие «государственная власть», но и «местное самоуправление» [10; 11].

Ещё одним новым термином, появившимся в тексте обновлённой Конституции Российской Федерации, стало слово «взаимодействие». Если до внесения поправок оно встречалось лишь в одном положении, то после вступления в силу конституци-

онных изменений данный термин используется уже в четырёх нормах. Примечательно, что понятие «взаимодействие» адресовано порядку построения всей системы публичной власти. Оно же сформулировано в качестве обязанности органов местного самоуправления контактировать с органами государственной власти регионального и федерального уровней.

Если обратиться к лексическому значению приведённого термина, то раскрывается его негативный характер в форме дефекта права, получившего в теоретико-правовых исследованиях название «диссоциация права» [12, с. 18]. Сущность данного недостатка сводится к выделению у правовых терминов двойного значения. В общем смысле слово «взаимодействие» предполагает взаимную обусловленность субъектов [13, с. 7]. В философской плоскости оно обладает интеграционным назначением посредством объединения близких по смыслу языковых единиц, обладающих в общем смысле единым понятием [14]. При этом в ст. 133 Конституции Российской Федерации термин «взаимодействие» раскрыт как юридическая обязанность в структуре общих полномочий, выделяемых у органов местного самоуправления.

В силу отмеченных особенностей, наблюдаемых в современном конституционном законодательстве, сложно согласиться с тезисом об общем значении терминов, используемых в конституционно-правовых актах. Напротив, их трансформация демонстрирует усложнение терминологической базы отрасли конституционного права, имеющей не только специальный предмет регулирования, но и специфику терминов, используемых для описания его ключевых особенностей.

Как известно, функциональное предназначение любых терминов в языке права сводится к раскрытию в официальной форме юридических понятий. С точки зрения юридической техники это должно сопровождаться выделением видовых признаков, позволяющих провести разграничение между специальными словами и словосочетаниями. В силу этого термин должен быть однозначным уже в момент правотворческого процесса, т.е. при подготовке проекта нормативно-правового акта. Данной цели способствует формулирование юридических дефиниций, которые либо сконцентрированы в начальных положениях закона, либо содержатся непосредственно в диспозициях норм (в отдельных отраслевых законах могут присутствовать примечания, в которых раскрывается или поясняется значение использованных терминов).

Тем не менее невозможно обеспечить единообразие понимания всех терминов, содержащихся в различных нормативно-правовых актах, что упирается в проблему их многозначности и потребности дальнейшего научного осмысления. Вместе с тем в век цифровых технологий и широкой доступности гражданам нормативных текстов обо-

строяется необходимость обеспечить их исполнимость посредством предельно понятных языковых конструкций.

В силу этого усложнение терминов за счёт их многосоставности (увеличение словесных сочетаний, латинизация, использование англицизмов, юридизация профессиональных слов и т.п.) позволяет говорить об узкоспециализированном действии отдельных законов, адресованных не всем гражданам, а их определённой группе (особенно в сфере финансового и налогового права).

Тем самым каждый термин должен обладать заложенной в него семантической определенностью. Последняя сводится к равенству его значения и понятийного содержания. Достижение такого языкового баланса видится в прямом соотношении использованного термина с тем явлением или процессом, на которые происходит правовое воздействие.

Литература:

1. Сорокин В. Язык и право // Юрислингвистика. – 2020. – № 15 (26). – С. 5-7.
2. Шматова Е.С. Язык права и язык закона в дихотомии лингвистических исследований // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 2-3. – С. 251-254.
3. Карасева Т.Н. Проблема совершенствования языка конституционного права // Язык. Право. Общество. II Международная научно-практическая конференция. Под ред. О.В. Барабаш, Т.В. Дубровской, Г.И. Канакиной. – Пенза, 2014. – С. 155-158.
4. Васильева Ю.В. К вопросу о языке законов в сфере права социального обеспечения // Юридическая техника. – 2009. – № 3. – С. 396-401.
5. Амосова В.А. Текст и язык права // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2020. – № 1 (24). – С. 150-152.
6. Сосновская Л.Р., Вагнер К.Р. Структура языка права: филологические и юридические аспекты // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 4. – С. 161-164.
7. Герасимович Л.И., Червонюк В.И. Язык конституционного права и конституционно-правовая терминология // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2017. – № 4. – С. 94-97.
8. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
9. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 45. – Ст. 7061.
10. Коваленко К.И. Государственная власть и местное самоуправление в системе публичной власти: вопросы понятия и содержания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2 (60). – С. 151-155.
11. Авакьян С.А. Местное самоуправление как форма публичной власти: конституционные ожидания и реальные конструкции // Юридический мир. – 2020. – № 1. – С. 15-20.
12. Головина А.А. Дефекты законодательной техники как препятствие обыденному толкованию права // Журнал российского права. – 2017. – № 4 (244). – С. 16-26.
13. Большая советская энциклопедия / А.М. Прохоров. 3-е изд. – Большая советская энциклопедия, 1971. – Т. 5. – 640 с.
14. Новая философская энциклопедия в 4-х т. / Научно.-ред. совет: В.С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов (2-е изд., испр. и доп.). – М.: Мысль, 2010. – Т. 1-4. – 2816 с.

The Meaning of Terms in the Language of Law

Wagner K.R., Sosnovskaya L.R.
Kazan branch of the Russian State University of Justice

In the presented article, the author analyzed the linguistic aspects of law on the example of Russian legislation. The main attention is paid to the legal technique used in the formulation of definitions. The main conclusion is that the constitutionalization of terms in modern Russian legislation does not make them universal. Therefore, the approach that gives a general theoretical character to constitutional terms in relation to sectoral concepts is outdated.

Key words: legal linguistics, language of law, structure of the language of law, legal style, normative texts, legal technique, legal terminology.